
Григорьев
Константин
Немезида
18+

Константин Григорьев

Немезида

«Автор»
2026

Григорьев К.

Немезида / К. Григорьев — «Автор», 2026

Что представляла из себя земля в будущем, появление Империи и надежда на спасение.

© Григорьев К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Конец ознакомительного фрагмента. 7

Константин Григорьев
Немезида

Глава 1

Глава первая. Умирающая колыбель
Часть первая. О Дивный Новый Мир

Земля доживала последние годы — не в пожарах Апокалипсиса, как любили пугать в старых пророчествах, а в медленной, унизительной агонии, у которой не было ни финала, ни смысла.

Сначала погибли леса — не сгорели, а просто перестали быть: кроны усохли, трава обратилась в серую бумагу, и пыль, поднятая бурым ветром, шла стеной от горизонта до горизонта. Затем исчезли водоёмы. От озёр остался белесый солончак, по которому ветер гонял кости рыб. Мичиган обмелел до каменистой чаши, и над ним больше не поднимался туман. На месте Байкала лежала трещина — длинная, выветренная, с водой цвета ржавчины на самом дне, где ещё держалась какая-то жизнь, но не та, которую можно было пить. Восемь миллиардов человек сжались в прибрежные мегаполисы, где воздух фильтровали машины, а воду выдавали по картам, и каждая карта была в крови.

Цифра эта, впрочем, держалась только в сводках Империи. Переписи давно не проводили: считали не людей, а карты и пайки, а пайков было меньше, чем имён в списке.

Голод не кричал. Голод стоял в очередях.

Воздух снаружи стал плотнее и гуще — и он не пах ничем. Не гарью, не химией, не чем-то узнаваемым: он был пустым, как вдох через мокрую ткань. В июле он плавился, в январе сек горло ледяной крошкой, но и то и другое одинаково оставляло после себя металлический привкус — будто лизнул старую батарейку. Фильтры в мегаполисах меняли сначала раз в две недели, потом раз в месяц, потом перестали менять вовсе и просто мыли — тёплой водой, которая сама была грязнее воздуха. Люди носили маски не потому, что верили в них, а потому, что с маской лицо ещё оставалось лицом.

Врачи выучили новые слова и произносили их спокойно, как погоду: бронхиальный фиброз, силикоз, хроническая гипоксия у детей с шести лет. У взрослых — кровь из носа по утрам, у всех без исключения, и никто уже не пугался: прижимали платок и шли на смену.

Питьевая вода не была грязной в прежнем смысле — её очищали так старательно, что она становилась почти стерильной. Проблема была в том, что очищать её было не из чего. Её поднимали из глубоких горизонтов, где она тысячи лет лежала в породах, и оттуда она приходила тёплой, с привкусом железа и ржавчины. Люди говорили: «вода пахнет гвоздём». Дети считали этот вкус нормой и не понимали, почему старики морщатся.

Иногда на дне кружки оставался бурый осадок. Его не выливали — соскребали пальцем и вытирали о штаны.

Еды больше не было — была продукция. Синтетический белок рос в чанах, сероватый, безволокнистый, с нейтральным вкусом клея; его прессовали в брикеты и придавали им форму того, чего больше не существовало: котлеты, рыбы, яблока. Ароматизаторы вводили вручную, и вкус зависел от партии — одна шла «курицей», другая «дымком», а третья вообще ничем, и её называли «честной». Настоящие продукты исчезли раньше, чем слова о них. Последнее настоящее яблоко съели в 2144-м — говорят, его разрезали на восемьдесят восемь частей и каждому дали кусочек размером с ноготок; говорят, оно было кислым. Верить в это необязательно, но в это верят.

Дети рисовали еду по картинкам из архивов, и получалось всегда неправильно: у них выходило слишком ярко.

И всё-таки человечество продолжало рожать — потому что не рожать значило признать, что всё закончилось.

Дети рождались в роддомах, переоборудованных из складов, под гудение генераторов, и на свет выходили уже другими. Мутации не были редкостью, ради которой собирали консилиум; они были нормой, статистикой, графой в бланке. Каждый третий ребёнок получал диагноз ещё в утробе. У кого-то срастались пальцы — не два, а сразу четыре, аккуратной перепонкой. У кого-то не закрывался черепной шов, и на темечке оставалась мягкая пульсирующая впадина, которую матери всю жизнь прикрывали ладонью. У кого-то кожа не держала влагу и шелушилась, как старая краска, — такие дети жили в прохладных боксах и не могли играть на улице. У кого-то отказывала печень в четыре года. У кого-то — сердце в шесть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.